

VSvvES

Le Comte de Мориарти
Часть 1. Рассказы Дохтурова.

№ 4. Проклятье
священной пещеры

VSvv ES

Le Comte de Мориарти. Часть 1. Рассказы Дохтурова. № 4. Проклятье священной пещеры

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70553761
SelfPub; 2024*

Аннотация

" Все началась, когда Несчастливая Мать из окна автобуса увидела билборд с рекламой предстоящего хоккейного матча. На ней был ее умерший мальчик, одетый в хоккейную форму, которой, она могла поклясться, у него никогда не было. Он улыбался и смотрел на нее. "

VSvv ES

Le Comte de Мориарти.

Часть 1. Рассказы

Дохтурова. № 4. Проклятье священной пещеры

– Вынашивала его дольше срока. И рожала долго, – женщина говорила, прикрыв рукой рот и пришепетывая. Она перевела взгляд с могильного камня на меня. – Зубы делаю.

Я к кладбищам отношусь спокойно. Но вот свежесырытые могилы с этими земляными холмиками и этими цветами всегда вселяли чувство непонятного беспокойства. Особенно под таким свинцовым небом. Позже при создании демона Холмов скажет, что такое беспокойство, наверное, бывает у собак за два дня до землетрясения. Конечно, спасибо Холмову за доброе слово, но его сравнение точно.

И разумеется, на кладбище я уставился на свежие могилы, не обращая внимания ни на эту мать, ни на могилу ее сына, ради посещения которой мы сюда приперлись. Я посмотрел на фотографию на могильном камне. Веселое беззаботное курносое лицо. Мальчишка, который еле вытерпел в неподвижности те несколько секунд, которые требовались

фотографу для снимка, и умчался дальше гонять шайбу. Он умер три года назад от рака головного мозга.

– Пойдемте, дорогая. Все на месте, – вторая женщина приобняла ее сзади за плечи.

Женщины замерли и вздохнули.

По дороге с кладбища, как и по дороге на кладбище стояла молчаливая тишина. От несчастной матери исходили легкий свежий запах алкоголя. Мысль, которая вчера сразу же пришла мне в голову после того как мы выслушали историю, мысль о том, что между несчастной матерью и отцом друга ее сына, то есть мужем второй женщины были отношения, сейчас мне казались дурацкой.

И да, когда мы выезжали с кладбища, произошло нечто странное.

Вторая женщина, которая сидела за рулем, пошевелила губами или может быть просто пожевала – мне не было видно с заднего места.

– Зачем Вы так с ним, – залилась слезами несчастная мать.

– Не он это, дорогая, а... – женщина за рулем совсем понизила голос, и я не расслышал окончание фразы.

– Извините, – я решился вмешаться. – Это про меня? Я что-то не то..

– О нет, дорогой. Все хорошо. Представлять Вас в академии я уж завтра буду, – ответила женщина за рулем. – У них тренировка в семь утра, я заеду за Вами в полдевятого?

Наверное, пора дать имена участникам этой истории. Лю-

ди, которые были в ней замешаны, известные. Скоро многие из них, дай бог, станут знаменитыми.

Несчастную мать я буду называть "Несчастливая мать". Вторую, интеллигентную ухоженную утонченную женщину – "Аристократы". Так, как называл ее в наших разговорах Холмов – "Аристократы". Во множественном числе.

Вся движуха началась, когда Несчастливая Мать из окна автобуса увидела билборд с рекламой предстоящего хоккейного матча. На ней был ее мальчик, одетый в хоккейную форму, которой, она могла поклясться, у него никогда не было. Он улыбался и смотрел на нее. Слова на билборде она не смогла прочитать. Буквы были знакомые, но в слова не складывались. Недели за две до этого соседка говорила ей, что видела на плакате парня, похожего на ее сына, и уже тогда холодок пробежал по спине Несчастной Матери. После нескольких дней тяжелых переживаний и безумных подозрений Несчастливая Мать через силу вернулась к тому билборду. Билборд стоял на месте, но реклама была другая. Несчастливая Мать успокоилась и смирилась, но через пару дней снова пришла к билборду и прошла вдоль всего автобусного маршрута. Потом она стала часами бродить по городу. Когда Несчастливая Мать нашла в интернете похожие картинки на сайтах с неизвестными языками, она стала доставать полицейских. В конце концов она нарвалась на полицейского, большого поклонника Холмова, которые подсказал, что Холмов – известный специалист по ожившим мертвецам, и до-

ставать нужно его. Правда телефон Холмова мало кто знает.

Несчастливая Мать безуспешно пыталась найти телефон Холмова. Утверждала , что писала в комментариях моего блога и на электронную почту, хотя я этого не помню. Наконец, она вспомнила про Сергея Павловича, отца Никиты, парня, с которым вместе дружил и тренировался ее сын. В свое время он очень помогал.

О том, почему ее звонок был воспринят очень серьезно и привел к тому, что нас наняли на это дело, мы узнали от наших нанимателей – родителей Никиты, которых представляла Аристократы, и его агента. Агента для простоты так и будем называть "Агент".

– Я буду несказанно удивлен, если выяснится, что рождены Вы были не в фамильном замке, а где-нибудь на железнодорожном разъезде в глуши, – сказал Холмов Аристократы по завершении нашей первой встречи. При этом он в упор разглядывал жемчужное ожерелье в три ряда на ее шее.

– Вы знаете, моя бабушка родилась в глуши. Только это была крупная железнодорожная станция. Мой прадед, блестящий штабной офицер, за несколько лет до начала репрессий взял жену и первого ребенка уехал туда и устроился в депо бухгалтером. Так и прожил , не привлекая внимания и давая второе образование детям. Согласно семейным преданиям, в прежней жизни он фантастически хорошо планировал военные операции.

– Когда Вы прикладываете ладонь к ожерелью, – улыбался

ей Холмов. – У меня такое чувство, что я нахожусь в фильме из жизни европейской аристократии. Знаете, голливудский большой стиль.

– Спасибо, – вежливо улыбнулась Аристократы. – Бабушка говорила, что когда надеваешь это ожерелье, то мужчины вокруг хотят встать по стойке смирно.

Холмов помолчал, словно собирался с силами.

– Скажите, пожалуйста, почему сейчас на Вашем лице такое выражение сожаления и даже вины перед нами? – Холмов с озорной улыбкой посмотрел на Аристократы.

– Как я уже говорила, у нас уже было подобная ситуация, пройти через которую нам стоило очень больших усилий. Вы видите, Сергей Павлович, отец Никиты, не присутствует на этой встрече. Тогда мы оказались не совсем правы. Пройти еще раз эту ситуацию нам будет тяжелее, я говорю про отставление Никиты от хоккея... Я правильно использую это слово "отставление"? Или надо говорить "отстранение"?

Холмов продолжал смотреть на Аристократы.

– ... И мне неудобно отправлять таких юных людей в пасть нечисти, – Аристократы наконец смутилась.

– Ну, в пасть отправится он, а ему не привыкать, – Холмов показал на меня. – Значит все-таки есть тень скверны над этой историей? Что-то страшное потустороннее присутствует?

– Вот это вам и предстоит выяснить, – улыбнулась Аристократы.

Начало хоккейной карьеры ее сына Никиты не задалось. Его отчислили из детской команды из-за "бесперспективности". Не смотря на усилия папы Никиты, отчисление отменить не удалось. Было "бесперспективным" в то время 10 лет. Папа Никиты тогда завелся больше, чем Никита. Они сменили несколько спортивных школ, в одной из них нашли детского тренера, который согласился давать индивидуальные уроки. На уроки детский тренер иногда привлекал маленького и шустрого паренька из своей команды, который оставался заниматься, когда приходили Никита и его отец. Этот паренек и был сын Несчастной Матери. Детский тренер подсказал, что надо Никите чаще играть с ним, чтобы чтобы Никите было за кем тянуться. Отец Никиты, выходя с ним на лед, сам почувствовал, какой тот невероятно талантливый парнишка. Будущая звезда, может быть мега-звезда. Он помог с ему амуницией, потом помог устроить в спортивную школу на полном пансионе – паренька воспитывала только мать, семья была из небогатых. Иногда отец Никиты смущенно просил паренька поиграть с ними. Но сын Несчастной Матери был готов носится по льду сутками.

Когда случилась та история со священной пещерой, Никиты не было в команде – его отправляли на год в заокеанскую академию.

Я сразу же понял, про какую историю они говорят. Это была история, которая взорвала интернет, а сейчас совсем забылась. Автобус с детской хоккейной командой попал в

снежный шторм в горах. Мало кто выжил, из оказавшихся на той дороге. Одни машины выскочили в пропасть, пассажиры других машин замерзли. Мальчишкам повезло больше. Кто-то из автобуса заприметил вход в пещеру, который недавно проехали. Они смогли к нему добраться, а потом еще перетащить в пещеру вещи.

Столетиями эти места считались священными у племен. Судя по тому, что в пещере нашлись куски вяленого мяса, немного дров, какие-то горшки и топоры с ножами, обряды проводились и сейчас. Или не очень давно.

У входа в пещеру иногда ловила сотовая связь, и удалось послать сообщение с просьбой о помощи и небольшое видео с лицами ребят в темноте и видом из пещеры.

Но невероятную популярность приобрели короткие ролики о том, как из снятых из автобуса кресел они делают ложе, как ногами, обутыми в коньки, стачивают камни и высекают искры, как неудачно пытаются снять с автобуса систему Вебасто и заново смонтировать в пещере, как из виски, ваты и горшков делают спиртовые обогреватели, как из разорванных сумок под амуниции мастеров полог-щит для входа в пещеру, как распределяют по дням еду из гостиничных коробок с завтраками. Робинзонада в снегах на минималках. Пресс-атташе выкладывал ролики на протяжении двух дней, пока функционировала вышка сотовой связи. Через три дня стих шторм, на четвертый день, к вечеру смогли пробиться спасатели. Ребят достали из пещеры живых. Истощенных, но

живых.

А потом начали умирать те, кто был в пещере. Через год – будущая мега-звезда, сын Несчастной Матери. Разбился водитель автобуса, тяжело заболел кто-то из сопровождающих. Непонятно куда делась половина команды. Более того, проклятие перекинулось и на новичков команды. Они или куда-то таинственно исчезали или их преследовали травмы и прочие несчастья. Так по крайней мере утверждали скауты. Когда Никита вернулся на родину, Агенту с большим трудом удавалось заставить скаутов приходить в Ледовой Дворец и снимать тренировки и тренировочные игры Никиты.

С Никитой тоже происходила странная история. После заокеанской стажировки он начал резко прогрессировать. Может быть поездка помогла, может быть время пришло. Никита сразу был зачислен в молодежную команду, а через месяц уже начал привлекаться в молодежную сборную.

В сборной он блистал, а в команде прочно сидел на скамейке.

– Так не бывает, – горячился Агент. – Он должен не на скамейке сидеть, а за взрослую команду играть. У него через год есть шанс высоко выбраться на драфте. Бьюсь об заклад, выбор на драфте – это всем хорошо. Это всем хорошо. А его на какие-то игры даже не берут. Опять, эти непонятные игры на выезде, какой-то новый кубок. Почему такая секретность, что там происходит на самом деле?!

Новый кубок – значит новая лига. Попытка Агента выяс-

нить подробности через тех же скаутов ни к чему не привела. Все что-то слышали о новой лиге – но никто ничего не знает.

Возможно, дело во втором тренере. Он пришел вместе с новыми зарубежными партнерами и фактически руководил командой, потому что главный тренер почему-то сразу ушел. Это второй тренер был тем самым человеком, который несколько лет назад отчислил Никиты из детской команды. Но сейчас ни он, ни новые собственники наотрез отказались встречаться и обсуждать переход Никиты в другую команду или расторжение контракта. Пресс-атташе, единственный, с кем Агент переговорил, сказал, что новые собственники основное внимание будут уделять молодежной команде и без главного тренера никто решений о переходе принимать не будет. Про загадочные игры и тайный кубок пресс-атташе ответил только: "Узнаете все в свое время".

Когда Агент попытался устроить переход Никиты, действуя через другую команду, произошло нечто из ряда вон выходящее. Менеджеры команды, в которую Агент хотел перевести Никиту, отказались даже разговаривать, потому что Никита играет в "проклятой команде".

Скауты, как бывшие спортсмены, должны быть суеверными. Но такую ерунду ему сказали люди расчетливые, даже циничные. Значит, что-то происходит. Значит будут меняться правила игры. Если действительно втихаря создают новую лигу, то следующий вопрос – будет она признавать контракты других лиг. Если нет или на каких-то условиях, то это

может стать бомбой под взаимоотношениями команд и игроков, под его, Агента, бизнесом.

– Я правильно понял, что если я не смогу победить злобную нежить и демонов порока, но помогу расторгнуть контракт вашего подопечного с клубом, то моя задача будет считаться выполненной? – спросил Холмов

– Да, – сказали Аристократы и Агент.

Они не врали, что их сильно тревожит эта история. Выйдя из кофейни и сделав круг, я наблюдал издали, как, выйдя на улицу, Агент и Аристократы молча стояли, поглядывая на озабоченные лица друг друга. Так и не решаясь начинать разговора или словно общаясь беззвучно с кем-то невидимым. Я попытался рассмотреть их лица через зум в камере смартфона, но на улице было слишком хмуро. Наверное, пора обзаводится биноклями и прочей шпионской аппаратурой.

– xxxxxxxxxxxxxxxxx .

Я начал растерянно моргать, как после пропущенного удара. Холмов растерянно смотрел по сторонам, словно выискивая того, кто осмелился так грязно ругаться при интеллигентной ухоженной утонченной женщине. Но выругалась она, Аристократы

– Поверьте, я консультировалась с очень профессиональными хранителями народной мудрости, антропологами, и все тщательно записала, – Аристократы достала из сумочки листочек бумаги. – Да, и еще вот это: "#####".

Мы с Холмовом крякнули.

– Как от стопки водки, – сказал Холмов осипшим голосом.

– Спасибо, что напомнили, – Аристократы благодарно кивнула мне. – Инфернальные сущности эти слова должны сильно рассмешить.

– Давно? – спросил Холмов.

– Несколько столетий, а может быть тысячелетий, – Аристократы задумалась над своими словами.

– Давно бумажка? – Холмов был или смущен, или раздражен.

– А, нет. Позавчера... Нет. Перед первой встречей с вами, – Аристократы внимательно посмотрела на Холмова.

Мы стояли у выхода из Ледового Дворца, где находилась Академия, и где Аристократы представляла нас руководству команды. Визит в логово нечисти прошел обыденно. Мое напряжение спало и на обратном пути, пока искали выход, я рассказал, как напруг меня визит к ребятам на прежнюю работу. Мне нужно было узнать, не работает ли кто-то из наших у букмекеров. То, что события вокруг команды как-то связаны с букмекерами были основной и единственной версией Холмова. Но каждый, кто узнавал, над какой проблемой мы работаем, и что я побывал на могиле одного из игроков, качал головой и говорил, что "в этой теме нездоровая движуха, братишка".

Трудно сказать, говорили они это всерьез или подначивали. Якобы одному жена запретила ходить в эту часть кладби-

ща. У него столько родни, или кладбище стало местом легких пеших прогулок? Хотя, когда меня спросили, материлась ли на выходе из кладбища, и помыл ли подошвы после кладбища, спрашивали всерьез. Не думаю, чтобы ребята верили во все это. Нет, не верили, но учитывали. Спорить я не стал, потому что ответ у них один: "были такие, кто не верил в тонкие моменты – лежат на аллее героев". Хорошо, что я оттуда по первому сроку сразу ушел на пенсию, иначе стал бы таким же психом, как и они.

– Сына этим словам тоже Вы учите? – спросил я. – Или возложили обязанность на папу?

– Зашила такой же листочек в баул с амуницией, – Аристократы приложила раскрытую ладонь к шее, хотя сегодня там не было ожерелья. – Ну, первые впечатления?

Ледовый Дворец выглядел как ледовый дворец. Запах был немного затхлый. В тех коридорах и пространствах, где мы шли. Тренерская выглядела как тренерская. Окно, выходящее на арену. Дверь у окна, видимо в другой кабинет, такая же в противоположной стене в третью комнату. 3 стола, доски для рисования. На краю у прохода одного стола стоял круглый аквариум с живой рыбкой. Поэтому человека за этим столом я заметил только, когда он поздоровался. Поздоровался он с Аристократами и сразу сказал:

– По функциональной готовности. Травма оказалась несерьезная, но – по функциональной готовности. Поверьте, все тренировки я строю вокруг Никиты.

Это оказался второй тренер молодежной команды, которого в дальнейшем я буду просто называть "Тренер".

– Травма?! – переспросила Аристократы.

– Ударился о борт. Ничего серьезного. С виража врезался в борт. В третьем периоде уже вышел на лед. Но – по функциональной готовности.

– Я не знала... Если не даете игрового времени, может быть тогда Никите не летать с командой на выезды? – Аристократы указала на меня с Холмовом. – У меня сегодня другая цель визита. хотела представить ...

– До конца сезона уже не летаем. Выезды поездом и автобусом, – перебил ее второй человек, находящийся в комнате. Он расхаживал по проходу между столами, когда мы вошли. Человек был плотного телосложения, абсолютно лыс, а на голову почему-то надета шляпа, похожая на ковбойскую. Может правоверный еврей. А может мусульманин. Скорее всего безопасник или охранник, куда же от этого брата денешься.

– Хорошо. Мы пригласили Никите тренера по физподготовке, точнее тренера по боксу. Было бы хорошо, если бы вы разрешили использовать ваш зал физподготовки, – Аристократы снова посмотрела на Тренера, и мне показалось, что она слегка усмехнулась. – Помнится, вы не против тренеров, специализирующихся на отдельных навыках. Все затраты на нового тренера, разумеется за наш счет.

– Если платить не нужно... Как говорит наш новый соб-

ственник... – Лысый в шляпе посмотрел на Тренера и тоже слегка усмехнулся. – ...Большой козел, наш новый собственник: "Покуда не треба платит, як могу быт против?".

Я так и не мог понять, в каком подразделении служил этот лысый в шляпе. Он был говорлив, как опер, но слова занимали больше, чем реакция на них.

В тренерскую вошел высокий подтянутый парень в спортивной одежде, темной от пота. Он был одного возраста с Тренером, даже моложе. Я буду называть его "Восточно-Европеец", или даже короче – "Европеец".

– Если наш други треньор кажет "велика коза" – готов до закладу, речь иде за меня, – Европеец не мог говорить от смеха, поэтому кивнул, даже поклонился Аристократам. Мы тоже начали усмехаться.

Европеец стал переводить взгляд с одного присутствующего на другого.

– Мама одного из игроков молодежи, – вопросительно подсказал лысый в шляпе. – Никиты?

– Вы, надо полагать новый собственник? – Аристократы внимательно разглядывала Европейца. – Надолго к нам?

– Как решит собственник. Я только его представник. Но в планах, как минимум, докуд не найду жену.

– Как интеллигентно Вы выговариваете слова, – восхитилась Аристократы.

– Вы надо полагать по поводу вымена в иной клуб, – Европеец сокрушенно развел руками. – Я очень-очень длуго

говорил с вашим агентом. Поймите, я немоху решать таки проблеме, докуд не собран менеджмент. Докуд у дружины хоккейевой нет главного треньора. Это категорички против тех транспарентных европским процедур, кои я же внедряю.

– А сделать доброе дело и нарушить процедуры? – настаивала Аристократы.

– Если на обычейна дела сил не довольно, то на добры тем более их нема, – смущенно улыбнулся Европеец. – Мы стали партнеры по вцелом системе, но верьте, я даже не занимаюсь главной дружиной. Я не знаю, як у возрастни дружины идет, где она в турнирном табелке. Нема вольнага часу. Вообще нема. Я предлагал нашему треньору стать главным менеджером молодежной дружины хоккейевой – не желае.

Тренер отрицательно покачал головой.

– Но я знаю, что Ваш мальчик – добро мальчик. Никита, да? И мы делаем все за его прогресса. В други команда выше от нашего не сделает за него.

– Замечательно, значит вы не будете против, если на физподготовку будет подходить тренер Никиты по боксу? Разумеется, этого тренера оплачиваем мы.

– Если платит не можна, како будем против того? – добродушно и уважительно сказал Европеец.

– Они еще осмотрятся вокруг. Молодые люди также еще раскрывают дела, ведут true-crime блог, – Аристократы переводила взгляд с лица Европейца на лицо лысого в шляпе, потом на лицо Тренера, и потом снова на лицо Европейца. –

Слишком много разговоров про черную магию и темные силы. Не нравится мне это.

– Разуме, господа из Хогвартса, – Европейец снова не справился со смехом. – Из боксерске зала во Хогвартсе!

Надо было их разговорить, пока тепленькие, может быть соблазнить прибухнуть, но Аристократы боялась, что у входа ее заждался Никита, и утащила нас с собой.

И вот мы стоим у главного входа в ледовый дворец, а Аристократы хочет обменяться первыми впечатлениями до приходы Никиты

– Тренер... – Холмов говорил как на уроке. Снова начало казаться, что ему меньше 18 лет. – Сын великого тренера. Великого. Подавал надежды. Привлекался в молодежную и основные сборные. С клубом выиграл кубок. Звездой не стал. Может быть и смог бы раскрыться, если бы не травма 5 лет назад. Кресты.

– Ага, – глаза Аристократы заблестели. Она заботливо посмотрела на Холмова. – Про отца – это понятно. У Тренера на столе стояла фотография в рамке. Но вместо жены и детей он был сфотографирован с пожилым, похожим на него, мужчиной в спортивном костюме. Мужчину я не знаю. Будет логичным поставить на то, что это выдающийся тренер. ... Кубок – это понятно: перстень на руке. Мог добиться большего – да, лицо не отнесешь к узнаваемым такими профанами, как я... Оборвавшаяся карьера... да, он опирался на стол, когда вставал. Травма правой ноги, так?

– Не знаю, – смутился Холмов. – Я в интернете про него посмотрел. Там не написано, какая нога: "Травма крестообразной связки" ... Про этого, про Европейца ничего не написано, а я забыл спросить, каким спортом он занимался... В тренерской все обменивались взглядами как перед финальной перестрелкой. Может быть из-за этого, которого в шляпе.

От дальнейшего позора нас спас Никита. Аристократы повезла его домой, а мы с Холмовом решили обойти вокруг Ледового Дворца. Непарадная часть Дворца была исписана полустертыми или стрешимися надписями. Не граффити. Надписями.

– "Макс, где же ты? Как найти?" – прочитал я. – Почти как стих. И сердечко нарисовано.

– С закрытыми дверями Ледовый Дворец похож на обороняющуюся крепость, держится настороже. Если бы светило солнце и проникало сквозь стеклянные стены... Сейчас кажется, что внутри черная дыра, которая втягивает в себя сумрак с улицы. Что сказали букмекеры?

– Разговаривали со мной как с идиотом. Ставок нет. Никому не интересно. На основную-то команду никто не ставит, так, в составе линии, может быть. Основная команда телепается где-то внизу турнирной таблицы... Нет, не так... Внизу турнирного табелки.

– Табелки, – Холмов произнес в унисон со мной. – А остальные букмекеры? Надо, надо! У меня нет больше ника-

ких идей. Надо общаться. Букмекеры неохотно светят свои ставки в Интернете помимо своих приложений. Прошлые ставки мы можем вообще не увидеть.

– Букмекеры-то разные, но народ – один. Народу не интересно.

– Или возвращать деньги...

– Не знаю, не знаю. Букмекеры со мной будут матом разговаривать. Если будут.

– Если у букмекеров не найдутся зацепки, тогда "Жук в муравейнике". Пока из этих вежливых спортивных людей не полезет страшное или хотя бы необычное... Европейец, кстати, каким видом спорта раньше занимался, он не сказал?

От того, что Холмов в конце расследования несколько дней заставлял меня вспомнить все разговоры, я хорошо их помню. Вся история теперь представляется состоящей из одних разговоров, споров и перепалок.

Когда отловленный у входа в Ледовый Дворец пацан отвел по закоулкам меня в тренерскую, в ней, как и два дня назад, стоял аквариум на том краю стола, что у прохода, но рядом на столе была разложена фото и видеоаппаратура, а по проходу также расхаживал лысый в шляпе безопасник и безучастно бубнил сам себе:

– ...Это не называется "рубрики". Это называется "я это знаю, и это, и вот вам несъедобная мешанина"

– Если еще в своем личном влоге не делать, что хочется, то

зачем он?! – раздался голос из угла. – У тебя же есть каналы? Делай! Не смотря на то, что они – большие козлы.

Оказывается я сразу не заметил сидящего в углу Тренера. Он сидел, положив ноги на чужой стол и уперевшись загривкой в стену. На коленях лежал планшет, в котором он безучастно пролистывал ролики.

– Им не надо! Я, знаешь, как могу развернуться! Я могу передачи с экспертами запустить, я могу стримы с комментаторами по играм новой лиги сделать! Представляешь? Новая лига! Комментаторы смотрят матчи и комментируют! Вживую! – лысый безопасник поднял глаза и посмотрел на нижние поля шляпы. – Mamочка, подскажи! Может мне бросить все и уйти в монастырь?!

– В какой? Католический, православный? – я был страшно доволен тем, что меня угораздило попасть на спор. Не надо тормозить людей для разговора. – Не знаю, есть у протестантов и иудеев монастыри?

– Куда-нибудь туда, – удовлетворенно сказал лысый в шляпе. Он указал пальцем на меня. – Вот кто разрешит наш спор. Я прочитал ваш блог. Очень достойно. Столько просмотров, что мне даже стыдно! Но я не нашел ни подкаста, ни влога!

– Только текст! На видео у меня ни времени не хватает, ни умения, ни техники, – Я бесцеремонно развернулся к Тренеру. – Хотел время согласовать...

Тренер в недоумении уставился на меня. Он чуть повер-

нул голову, выставив левое ухо.

– Уже забыл?! – недоуменно спросил его лысый в шляпе. – Спецназ защиты от темных сил! Позавчера представляли.

Тренер понял о чем речь и усмехнулся:

– Давайте через два дня. Сразу после домашнего матча.

– Не тяжело будет? Честно говоря, мне хотелось бы на начальном этапе проводить тренировки почаще, – я хотел продолжить разговор, слишком быстро Тренер согласился.

– В их возрасте на тренировках убиваться надо! У них не восемь, а сто восемь жизней! Лупите Никиту хоть сутки напролет – кроме моих тренировок. Можете даже в перерыве матчей приходиться и драться. Конец сезона. Скоро отдыхать будут.

Меня бесцеремонно подергали сзади за рукав. Лысый в шляпе безопасник не хотел заканчивать разговор. Он сунул мне под нос фотоаппарат с большим объективом:

– Вы обязательно должны делать влог. Я могу подсказать. Мне это ничего не стоит. Только не повторяйте нашу ошибку – берите сразу хорошую технику!

– Где Вы служили? – прервал я безопасника. – Никак не могу понять.

– Где служил? – безопасник был обескуражен. – Корреспондентом на нашем ТВ, программным директором на музыкальной станции – если все это можно назвать службой... Сейчас пресс-атташе служу.

– Так... Вы не безопасник... А я удивляюсь, какого чер-

та этот безопасник учит меня видеосъемкам! Конечно, безопасники все знают, все умеют, только безопасниками работают... Но где я Вас видел?!

– Не узнали? – удивился Атташе, теперь лысого в шляпе мы можем называть “Атташе”. – Это я вел репортажи из пещеры. Ролики со своего мобильного.

– Ага! – я пожалел, что так и не посмотрел ролики. – Про то, как все делали? "Робинзонада в снегах на минималках". Слушайте, вы такие молодцы. И ролики успевали сделать! Замечательные!

– Я рассказывал про обустройство дольше, чем оно реально делалось. Решил ролики смастерить, чтобы не сидеть и тоскливо ждать спасения. Как Вам ролик про изготовление полога?

– Да!.. Как там, в "священной" пещере на самом деле?

– Небольшая закопченная пещера. В глубине совсем низко. И узко. Видимо, обряды проводились вплоть до последнего времени. Может даже сейчас проводятся. Она небольшая.

– Вы там, наверное, сокровища нашли! – воскликнул я. – Золото, бриллианты. Вот и убивают участников группы по одному. Кто-то из группы. Или, лучше, шаманы! Обнаружили, что из священной пещеры пропали изумруды на золотом блюде. И само золотое блюдо!

– Если бы! – воскликнул Атташе. – А то проклятье – есть, а похищенных сокровищ – нет. Нечестно получается.

– Люди нервные стали. Достаточно любого пустяка, чтобы возбудились, – осторожно сказал я. Разговор вышел на нужную тему. – Пока шел сюда, заметил на стене фото умершего мальчика на стене. Из молодежной команды. От рака. Может быть из-за того, что на стене фото мертвых хоккеистов, пошли все слухи.

– В индуистский монастырь, – Атташе осторожно надвинул шляпу на глаза и хмыкнул. – Для католического я слишком стар.

Тренер начал выбирать из угла.

– Так принято, что портреты игроки прошлого на стенах. Так у всех, – сказал он. Только что мы летали на игру. У хозяев на арене вместе с основной командой висят портреты разбившихся в авиакатастрофе. Никого не смущает.

Тренер наклонился к аквариуму.

– Вот выйду на пенсию, заведу кошку и скормлю тебя ей нафиг, – сказал он рыбке.

– Команда из пещеры разбилась в авиакатастрофе? – удивился я.

– Нет, – буркнул тренер и постучал по стеклу аквариума ногтем.

– Да! – удивленно сказал Атташе. Он яростно замотал головой, придерживая рукой шляпу. – Нет! Разбилась взрослая команда, но с ней летело двое из молодежки, которые привлекались к играм основной команды. Из тех, кто был в пещере, а потом перешли в другой клуб и с ними разбились.

– Дааа, там было двое из молодежи, – задумчиво протянул Тренер и выпрямился.

– У меня есть для Вас подарок. Амулет тамошних шаманов, – Атташе порылся в столе и протянул мне конструкцию из палок, пушинок и лоскутов. – Защита от темных сил. Готов поспорить, что Вы, человек из Хогвартса, без меня разберетесь, как им пользоваться.

– Вообще, это было удивительно талантливое поколение. Через два – четыре... – размышлял вслух Тренер

– Пойдемте, – перебил его Атташе и хлопнул меня по плечу, подталкивая к выходу. – Я Вас провожу. От нас очень тяжело выбраться... Расскажу по дороге, что съемки – это просто.

– Я не нашел среди нынешнего состава команды, и половины тех, кто был в пещере, – выпалил Холмов, не дожидаясь моего отчета.

Я понял, что весь день он проиграл на компьютере и делом не занимался.

– В клубе сказали, что двое из тех, кто был в пещере, перешли в другой клуб и погибли вместе с новой командой в авиакатастрофе.

– Да? И какой клуб? – Холмов не отрывался от компьютера. – Ладно, сам узнаю. Не так много хоккейных команд разбивается.

Я заглянул на экран компьютера. Холмов рубился с ка-

кой-то нечистью.

– Я таким образом думаю. Идей пока нет, – сказал Холмов. – Интересно, куда деваются духи старых святынь? Они же демоны... В мусарню!.. В тюрьму!.. В заброшенные заводские корпуса или что-нибудь большое, оживающее время от времени, типа Ледового Дворца. Как перебираются? На лесовозе, вывозящем ночью незаконно вырубленные деревья! В рюкзаках незаконных старателей, охотников за камнями! А на кладбище как? На могильных камнях! На кладбище вы видели же памятники с необработанной стороной? Вот на них!

Я вспомнил, что не помыл подошвы ботинок, когда вернулся с кладбища, и у меня испортилось настроение.

Чтобы не отвлекаться на всякую ерendu, я оттер и промыл подошвы, а тряпочки и губку, которыми чистил, выкинул в мусор. Туда же отправился и амулет.

– Без перчаток? – удивился Никита.

Это был мой первый облом за вечер. Денег на покупку двух пар перчаток я пожалел, на боксерскую защиту денег было еще жалче. Надежда, что в спортзале найдется что-нибудь для бокса, не оправдалась.

Начиналась все хорошо. Ледовый Дворец был полон света и передвигающихся людей. Никита обрадовался моему появлению. Хотя может быть дело в том, что ему надоело ходить гуськом по кругу вместе со всей командой.

– Вы на льду деретесь в перчатках? – рассудительно сказал я. – Вот и мы не будет. Без перчаток и защита другая, и удары. Коленями бьете? Нет? Значит и стойку пониже сделаем.

Мы отошли к окну. Никита постоял в новой стойке, потом начал уклоняться и нырять. Я махал руками над его головой.

– Это гениально! Что, так разве можно было? Без перчаток! – оказывается в зале был Тренер, который направлялся к нам. – Вот чем я буду с ними заниматься, как проиграем. Боксом без перчаток!

Мы с Тренером пожали друг другу руки. Он был очень зол. Парни перестали ходить гуськом и начали подниматься.

– Куда! – хрипло закричал на них Тренер. – Сколько пропустили?! Еще два круга! Теперь руки за голову.

– Помешал? – спохватился я.

– Голос сел, и арии кончились. Дальше они индивидуально.

Я не очень люблю, когда за мной наблюдают в упор. Особенно, когда я притворяюсь тренером по боксу. Поэтому всех застывших возле нас парней я ставил в пары. Пришлось придумывать упражнения на ходу. Теперь не они наблюдали за мной, а я рассматривал их. Закончить тренировку я решил, как заканчивал всегда:

– Минуту крутимся вокруг собственной оси, кулаки прижаты к груди, указательные пальцы – вверх, смотрим вверх. Потом бой с тенью. Это чтоб мутного не поймать, если удар пропустишь.

Не успел я досчитать до шестидесяти, как перед глазами задрожали радужные дуги, а зал покачнулся. "Или полезло темное, или у кого-то беда с вестибуляркой" – пришла вместе с ударом мысль. И вслед за ней – вторая, гениальная.

– Сейчас кого-то к батарее прикую! – закричал я, не отнимая ладоней от лица. Выяснить, кто ударил я не собирался. Мне нужно было время, чтобы собрать мужество для реализации гениальной идеи.

Я расставил парней рядами на расстоянии двух шагов друг от друга как в фильме "Кулак ярости". Сам встал перед ними, закричал и ударил по воздуху. Парни повторили.

– Еще злее, еще страшнее!

Парни орали и били по воздуху, а я снова рассматривал их. Темное не лезло. Даже злые или агрессивные гримасы не получались. Пацаны как пацаны.

На которых пахать нужно пахать и пахать. Даже небольшая тренировка вымотала меня, эти же после игры и тренировки рванули из зала как будто засиделись на скучном уроке, умудряясь по дороге пихаться и пинаться. К выходу я шел словно по следам урагана – здесь сбитый со стены огнетушитель, здесь свежий отпечаток ботинка на стене, здесь сдвинутые мусорные контейнеры, здесь потерянная перчатка. И в который раз я притормозил у стены с портретами хоккеистов молодежи. Они напомнили о чем-то неприятном, что было на тренировке, и что я забыл.

– Как по хлебным крошкам назад из леса. Особенно было бы здорово, если по дороге валялись побитые тела и стонали, – сказал Холмов после моего рассказа. Он по-прежнему сидел за компьютером. – Хорошо, что провели боксерскую тренировку. Получается, мы не зря едим свой хлеб.

"Мы?"

– Мне кажется, в ваших словах про сокровище в пещере есть решение загадки, только я не знаю какое, – продолжал тараторить Холмов. – Представляете, если бы они действительно нашли золото-бриллианты? Тренировка у молодежи, и ко Дворцу съезжаются Роллс-Ройсы, Лаборджини и Майбахи. Из-за рулей важно выходит эта школота. А в салонах тачек груды батончиков, шоколадок, чипсов и газировки...

– Может "нам" действительно вести курсы бокса? Получается у "нас" неплохо. Для командных видов спорта. Нужен стабильный источник дохода, – перебил его я. – Может заняться видеоблогерством? Запустить свой канал. Будет кормить со временем. Я потрачу часть денег из аванса на аппаратуру? Она все равно нам нужна для шпионских дел? А?

– Угу, – ответил Холмов, погруженный в игру.

– Хорошо! Не подойдет, всегда можно сдать и деньги получить назад.

О том, что ж неприятное узнал на тренировке, я вспомнил только на следующий день, когда пошел покупать аппаратуру и на улице напоролся на ребят с прежней работы. Они долго

веселились из-за моего синяка, говорили, что предупреждали, и тут я вспомнил, что Никита сказал, что у Атташе рак. У меня опять испортилось настроение.

Пуховик, в котором ездил на кладбище, я скинул в приемном пункте химчистке в соседнем доме – уже не холодно, можно добежать и так. Дома закинул в стиральную машину остальную одежду, в которой был на кладбище.

"Конец же сезона, блин", подумал я, прыгая на улице в ожидании такси. Конечно же, мороз ударил, как только я сдал в чистку пуховик. Утром позвонила Аристократы. Пропал Никита. Они должны были вчера вернуться с выездного матча. Он написал, что все хорошо, будет скорее всего завтра и не отвечал на ее звонки. Звонки на его телефон проходили.

Я выскочил на улицу в спортивном в костюме и с камерой в руках.

– Что-то с ребенком случилось, так? – сказал таксист после недолгого молчания – Ты меня, конечно, извини, но будь у меня пацан, тут же бы его забрал из этого нехорошего места.

– Ты только ко входу меня подвези! Не высади за 100 метров. "Нехорошее место".

Таксист кивнул и после небольшого молчания продолжил:

– Опять эти появились... На трибунах так и сидят.

– Зрители?

– Так эти... шаманы... культисты... сектанты в общем. Де-

тей выбирают. Так, говорят, половина из мальчишек, чьи фото в Ледовом Дворце на стенке висят, пропали неизвестно куда.

– Двое из них погибли в авиакатастрофе. С другим клубом. Туда перешли и погибли, – я внимательно глянул на лицо таксиста, не понимая можно ли верить его словам или нет. – Что за шаманы?

– Как безграмотная афиша – так они тут как тут. Афиша матча, – таксист горестно сморщился. – И все про эту ситуацию знают, и ничего не делают. Знаешь почему? Так потому что начальники с ними за одно. Во как.

– Это Вы так легко облеклись заради контента? Конечно, снимайте у нас эпизод за блога, – Европейец перевел взгляд с моей камеры на Атташе. – У нас есть значки "Пресс"?

У входа я столкнулся с Атташе и только предложил ему помериться объективами, как Атташе уцепился в меня и потащил к Европейцу за разрешением на съемки. То, что и Атташе и Европейец были на месте, то что у команды сейчас тренировка, и Никита должен быть там, как утверждал Атташе – радовало. То что Атташе был так близко – напрягало. Мне вспомнились археологи, которые раскопали могилу в Египте и в течение полугода померли от каких-то бактерий из могилы. Черт знает какой заразы он набрался в пещере... "Ключ – в сокровищах из пещеры". Если они и набрались "сокровищ в пещере", то это – особо ядовитые бактерии, которыми они

перезаряжали всех вокруг, а потом и меня.

Пока мы шли в тренерскую, я все представлял, как сижу в кресле типа стоматологического на какой-то секретной базе, опутанный проводами, и в окружении медиков. Но лица у этих врачей – как у моих бывших сослуживцев. У меня выкачивают кровь, чтобы выделить из нее зловердные бактерии и начинить ими бомбы.

– Только едина условие – когда снимаете у нас, носите это, – Европейец, действительно, интеллигентно и по особому мелодично выговаривал слова.

Он отошел к вешалкам, на которых висели образцы одежды с логотипом команды, снял пуховик и шапочку и протянул их мне.

– Подарок. Рекламна интеграция, – Европейец расхохотался. – И мне не будет студено глядем да Вас. Нешно мне подсказывает, что наше сотрудничество буде шире... Осторожно, да не заденте рыбку.

Атташе вывел прямо к скамейке запасных. К нам сразу подлетел Тренер. Он резко затормозил, и ледовая крошка из-под лезвий попала точно на лицо и шляпу Атташе

– Чем ты их так накачал? – Тренер пожал руку мне, потом начал заботливо щелчками сбивать кусочки льда со шляпы Атташе. – Это хоккей, брат.

– Команда хоккуевая, – сказал Атташе, бережно выговаривая слога.

– Была хоккуевая, а теперь хоккейева... Он поставил на

то, что мы проиграем, — объяснил мне Тренер, безмятежно улыбаясь. — А мы выиграли! У фаворита! Которому, правда, уже ничего не надо, и главный тренер у них — большой козел, я работал с ним. Но они должны делать нас на одной ноге! У нас игры были чуть ли не каждый день плюс тренировки. Ты пацанов своим боксом так накачал, так завел, что мы даже нижними звеньями забивали!

— Что-то жмет безжалостно. Все жмет и жмет, — совсем по-детски сказал Атташе отходя и хлопнул Тренера по плечу. — Пойдем, тебе задание есть.

— Все отскоки наши, — Тренер обернулся ко мне. Он оставался на льду и его катил Атташе, протянув руку через бортик. — Нам все штанги обстучали. У нас какие-то подледные шайбы заходили! Это хоккей!

— Ты определился с монастырем? У буддистов есть, — крикнул я Атташе в спину. — Просветляет и кровь очищает.

— Церкви Сатаны, — крикнул Атташе, не оборачиваясь. — Ставлю на то, что там можно хорошо оторваться.

Подъехал Никита. Было видно, что он все еще в возвышенном и рассредоточенном состоянии. Стоять ему было удобно опираясь на клюшку и прижавшись к борту.

— Радовались победе?

— Опасно стоим, отскочит... Да, что хотел! Можно я маме скажу, что вчера с Вами долго тренировались, и я остался ночевать во Дворце.

— Опоздал, она мне уже звонила. Позвони, она психует.

– Она спросит, где я, и примчится.

– Ладно, давай я. Иди тренируйся, – важно сказал я.

Я набрал номер телефона и, пропустив первую встревоженный тираду Аристократы, многозначительно произнес:

– Все хорошо. Не волнуйтесь. Он со мной... Здоров как бык. Тренируется.

Судя по шуму, доносящемуся из трубки, Аристократы была за рулем.

– Если Вы едете в Ледовый Дворец, – внушительно продолжил я. – То не думаю, что это хорошая идея. Мужской коллектив. Готов биться об заклад, что мгновенно засмеют.

Страшный удар выбил камеру из руки.

– Он со мной, не волнуйтесь, Не за что. Работа такая, – проговорил я, не особенно слушая слова Аристократы, и только потом решился посмотреть на камеру.

Камера лежала на полу, объектив был свернут на бок.

Пока я нашел закоулок с каким-то выступом под лампой, пока осторожно выкрутил объектив, пока осторожно тряс его и разглядывал, тренировка закончилась и все разошлись. Неожиданно выключили свет. Лампочка, под которой стоял я осталась горела, но арена, откуда пришел я и дальше по коридору было темно.

Я осторожно опустил в карманы пуховика фотоаппарат и объектив, и пошел в темноту коридора. Я шел и думал, что надо было в разговоре с Аристократы побольше напустить мистического тумана. Когда у нее пройдет весеннее обостре-

ние, она, чего доброго, может потребовать деньги назад. Но все деньги только что рухнули на пол и лежат двумя обломками в карманах. Еще я думал, что надо провести как можно больше тренировок с Никитой.

Шел я долго и должен был давно добраться до какого-то выхода. Но выхода не было. Мне показалось, что уже час брожу по кругу. Я машинально сунул руку в карман, чтобы подсветить окружающее пространство телефоном. Вместо телефона рука нащупала какой-то мусор. Это был талисман. Такой же, как дал мне Атташе. Видимо, он уже лежал в кармане пуховика, когда Европейец вручал его. И этот талисман отправился в мусорный бак, а я по новой ощупал все карманы, понимая, что выскочил из дому с камерой, но без телефона.

Пройдя еще немного я вышел на фотографии игроков молодежи и снова остановился перед ними. Фотографии занимали всю стену, но внимание неизменно привлекала большая группа слева. Что-то неуловимое объединяло парней на них. Дело было не в спокойной уверенности, с какой они смотрели с фотографий. Было в них что-то другое, что выделяло их даже в толпе на улице. Как бы выделялись бы в людской толпе эльфы. Или орки, или гномы... Хотя нет, не орки и не гномы. Я не большой знаток в мужской красоте, но эти лица были по особому пропорциональны. Эти парни не были родственниками, не были людьми одной расы, но какая-то неведомая сила сделала их похожими, а потом свела

вместе в одной команде.

Я пошел дальше, удивляясь, какой все-таки затхлый воздух вокруг, и, как мне показалось, сделал еще один круг. Вот – большой мусорный бак на колесиках, куда я выбросил амулет, а вот и фотографии игроков молодежи. Да, какая-то неведомая сила сделала их похожими, а потом свела вместе в одной команде. Может быть зловещая и коварная сила.

Я вернулся к мусорному баку и, чертыхаясь, достал из него амулет. И, надо же такому случится, пока лез в бак, заметил след, накатанный его колесиками. Я пошел по нему и вышел к высоким воротам, который закрывал темный полог. Я дернул за ручку калитки в воротах так, что вырвал скобу всячего замка, и вышел наружу. Стоял не солнечный, но светлый весенний день. От утреннего мороза не осталось и следа. Зазвонила сигнализация, но мне было наплевать. Я развернулся к камере наружного наблюдения, показал свою морду, помахал бейджиком "Пресса" и пошел прочь.

– Какой темный рычащий язык, – сказал Холмов.

И в ту же секунду раздался звонок в дверь, вошла квартирная хозяйка и объявила, что выгоняет нас из квартиры.

Это были самые спокойные и безмятежные дни – дни после моих блужданий по закоулкам Дворца. Команда уехала на выезд. Надо было выдержать паузу и не светиться лишний раз в клубе, чтобы все успокоилось – если наше появление вызвало какие-то волнения. Я носился по городу, пытаюсь

отремонтировать объектив или продать камеру. И приходил к даже не к мысли, а уверенности, что если и была в пещере какая-нибудь зараза, то померли бы уже все команды чемпионата и половина городов в стране.

Холмов, кажется, занялся делом, и нашел в интернете несколько изображений, которые рекламировали матч нашей команды. Сайты были на экзотических языках, но буквы на самих картинках были знакомые, хотя в слова не складывались. Вот и еще одна разгадка – кто-то попытался сделать мем. Не особенно понимая, что он пишет. Или специально так составил буквы, чтобы было смешно. И только, запинаясь, я попытался прочесть буквы, только Холмов сказал про темный язык, как словно по заклятию ворвалась квартирная хозяйка и принялась нас выгонять.

Мы слышали слова хозяйки, но не могли их осознать. Холмов по-детски спрашивал, куда ж нам идти. Я, возмущенный, пытался выяснить причину. Хозяйка лишь поджимала губы и говорила, что уже среди соседок пошли разговоры, что нам следовало хотя бы в интернете посмотреть во что ввязались, и что "зло расползается оттуда" .

Холмов убедил хозяйку разрешить пожить до конца месяца. Кажется.

Это была самая удобная квартира за время наших скитаний с Холмовом. Во-первых, мы сняли ее до скачка цен. Во-вторых, это был блок из двух квартир, отделенных от лестничной клетки дверью. В однокомнатной, что ближе к вхо-

ду, расположился я, все-таки моя главная задача – не участвовать в расследованиях Холмова, а присматривать за этим мальчишкой и прикрывать от опасностей. В двухкомнатной устроился Холмов. И в квартире Холмова и в моей квартире комнаты были небольшими, но зато были двери! Теперь, если какая-нибудь девушка согласится прийти ко мне в гости, достаточно просто закрыть дверь квартиры. Аналогично при визите приятельниц Холмова.

Двери обычно были открыты и свободное время мы проводили в гостиной у Холмова. Туда же Холмов вытащил свой компьютер, которому просто не было места в его маленькой спальне. Я и не подозревал, что Холмов так много времени проводит за компьютерными играми!

Когда хозяйка ушла, меня понесло. Я то хотел бежать за ней следом ругаться, то подавать на нее в суд, чтобы у нас были деньги быстро снять новое жилье, то хотел звонить ребятам с работы, чтобы они помогли осмотреть стены квартир и найти потайные камеры и жучки, а потом как следует тряхнуть старушку.

– Откуда она знает, над каким делом мы сейчас работаем?! Откуда? – тряс я Холмова вместо квартирной хозяйки.

Холмов молча кивнул на вешалку в прихожей, где висел подаренный мне пуховик с лого команды на всю спину. Кажется, Холмов не собирался ничего предпринимать, надеясь, что все образуется.

Надо было срочно найти деньги! Или чтобы вернуть аванс

Аристократам, или на аренду новой квартиры. Если бы не состояние крайней растерянности и беспомощности, я никогда не поступил так, как поступил – позвонил ребятам на прошлую работу. Я звонил и понимал, что совершаю ошибку. Каждый брал трубку, говорил, что готов живот свой положить за други своя, что готов за 5 минут, нет за секунду примчаться по первому зову, но денег нет. Сказав подобное, человек передал телефонную трубку следующему и ржал во весь голос.

Через день я поперся в Ледовый Дворец. Сегодня там игра, а значит надо проводить тренировку с Никитой. На улице потеплело, но я напялил даренные пуховик и шапку, мечтая лишь об одном: чтобы на улице оказались соседки, которым я скорчу демоническую и злодейскую рожу.

Кажется, я гримасничал всю дорогу до Дворца и внутри него. В Ледовом Дворце было светло и многолюдно, но каждый, кто подсказывал дорогу к тренерской, испуганно смотрел на мое лицо и быстро отходил.

Европеец и Атгаше стояли у окна, но смотрели не на лед, а противоположную трибуну. И черт меня дернул заговорить с Европейцем о работе для меня. Я предложил ему проводить тренировки по боксу для всей команды. Говорил сбивчиво, блеял про настрой, безопасность и уже не помню что. Это была самая неприятная, самая неудобная, самая беспомощная и самая стыдная речь в моей жизни. С другой стороны, может быть, это самый простой путь, чтобы нам выполнить

контракт – стать частью команды, понять, кто принимает решение, может быть самому поучаствовать в принятии решений. И помочь Никите.

– Добро пожаловат в нашем тим, – просто сказал Европейец и протянул руку.

Я почувствовал широкую теплую ладонь человека, работающего со штангой и на турнике... Действительно, каким видом спорта он занимался?

Европейец назвал сумму, которую он будет платить за тренировки, и, надеюсь, мне удалось сохранить каменной лицо. Он сходил в соседнюю комнату, которая оказалась его кабинетом, и вынес два бланка договора и ручку.

– Когда выполните, сложите мне на стол, постараемся заплатить в ближайши дни, – сказал Европейец. – Только едина условие. У нас смена симболе, наскоро должна прийти спортска униформа с нова. Ребрендинг. Как приде, треба то носить ее.

Европейец с Атгаше вышли из тренерской, помахав рыбке, чей аквариум упорно продолжал стоять на краю тренерского стола..

Текст договора был без подвоха. Я медленно и тщательно заполнил два экземпляра и положил на его стол. Не похоже, что этим столом сидели. Компьютера в кабинете не было. Владелец кабинета, судя по всему, облюбовал угловой диван.

Я шел по Ледовому Дворцу и подумал, что Европейец – нормальный мужик. Если чему эта история меня и научила,

так тому, что не надо возгонки. Не надо подозрений и шептаний по углам. Надо просто и открыто поговорить. Еще я думал, что открыл золотую жилу. Когда столько готовы платить за тренировки молодежной команды, то сколько платят за работу с основной командой? Если от меня не потребуют ездить вместе с командой, то я смогу тренировать команды по другим видам спорта. Неприятно смотреть, как дерутся баскетболисты и футболисты – какие-то прыжки, руки колесом. А волейболисты? Они вообще не дерутся! "Школа бокса игровых видов спорта". Не буду успевать – привлеку хохотунов с прежней работы. Платить столько им не буду, но это будет достойная, достойная оплата.

За этими размышлениями, я шел на шум трибун и крики и вышел на второй ярус арены, прямо за гостевыми воротами. Шел последний период. Наша команда безнадежно проигрывала. Я не сразу заметил Тренера. Вместо того, чтобы метаться позади скамейки с игроками, он неподвижно стоял в углу... как называется то место, где сидят игроки? И глядел он не на площадку, а на противоположную трибуну. Я посмотрел в направлении его взгляда и сразу заметил их. Не заметить их было невозможно. Народу было мало – родители, друзья, ультрафанаты и неизменные девчонки. Эти двое сидели на удалении от всех. Я покрылся мурашками. У них были резкие восточные черты лиц и смуглый цвет лиц, словно закопченный дымом ритуальных костров. Они сидели полностью одевшись, и даже с накинутыми на голову капюшо-

нами. Сидели очень неподвижно, словно каменные статуэтки. Одного, что поменьше, я сразу обозвал "Шаман", второго - "Монах". Я сделал несколько шагов назад, чтобы, когда матч закончится и включат полный свет, меня не заметили ни они, ни Тренер. "... Так они тут как тут". Да, тут как тут.

После окончания игры Шаман и Монах остались на месте, то ли отправляя сообщения, то ли молясь. Потом также неспеша они обошли Ледовый Дворец и проскользнули в дверь, ведущую в служебные помещения. Идти следом за ними в эту дверь было бы глупо. Я прикинул, где могу их перехватить, и заскочил в другую.

То ли я в очередной раз запутался в помещениях, то ли Монах и Шаман резко изменили направление движения, но найти их я смог не сразу. Уже был выключен основной свет, горели только лампочки дежурного освещения, и меня обступил затхлый воздух. Стало очень тихо. Заметив в конце длинного коридора вспышки, я осторожно и бесшумно двинулся на них. Источник вспышек был где-то за углом. Шаман и Монах фотографировали на смартфоны стену с портретами игроков молодежи. Кажется, я у меня очень гулко стучало сердце – Шаман и Монах обернулись и посмотрели на меня. Я замер, понимая, что в темноте они не заметят один мой вытаращенный глаз. Когда кто-то из них направил на угол свет от фонарика на телефоне, я уже отошел от угла и тихо открывал ближайшую дверь.

Кажется, я снова заблудился. Сколько я блуждал? Час?

День? Месяц? Вначале я не решался подсвечивать себе телефоном, потом подсвечивать было нечего. Какие-то помещения и коридоры с низким потолком, маленькие трубы, большие трубы, коробка воздуховодов, эстакада с проводами, редкие лампочки. И не одной двери. На странные звуки, шорохи, внезапные дуновения ледяного воздуха и призрачные силуэты по периферии взгляда я старался внимания не обращать.

Наконец меня снова вынесло к фотографиям. Эти места я уже знал. Вон там должен стоять мусорный бак на колесах, а дальше налево – полог, прикрывающий ворота. Я опять взгляделся в фотографии, группу слева, и холодный пот пробежал по спине. Лица парней на этих фотографиях были – может быть, странно говорить такое о фотографиях – но их лица были неподвижны как... как были неподвижны лица... Шамана и Монаха. Да! Шамана и Монаха. Еще их объединял одинаковый взгляд. Что-то нечеловеческое было в этом взгляде. Равнодушный и надменный. Такой взгляд бывает у людей, которые знают тайну твоего будущего, или у которых есть нож.

Этой ночью фотографии виделись мне в беспокойном и мучительном сне, пока я не достал из кармана пуховика амулет и не повесил его над общей входной дверью.

Все утро следующего дня мы молча пили чай в гостиной у Холмова. После бессонной ночи мне не хотелось разгова-

ривать, Холмов о чем-то напряженно думал.

Раздался звонок в дверь, а потом звук открываемого ключом замка.

– Хозяйка. Своим ключом. – не отрываясь от раздумий, сказал Холмов.

– С вышибалами. Выгонять, – хмуро сказал я, не собираюсь обращать на входящих никакого внимания.

Вошла хозяйка, прижимая к себе хрустальную салатницу, наполовину заполненную водой, но вместо бойцов за ней следовал здоровый поп.

Пока поп гудел свои скороговорки, хозяйка заботливо смотрела на Холмова. Время от времени поп опускал кисточку типа малярной в хрустальную салатницу и брызгал по сторонам, стараясь, чтобы капли задевали меня и Холмова. Заметив амулет над дверью, поп, как и хозяйка, поджал губы, скрестил пальцы на груди и попросил его снять. Я снял. Поп прилепил над дверью бумажную иконку.

– Хочу вам один ролик на Ютубе показать, – поп дошагал до компьютера Холмова. – Можно?

Поняв, что мы не собираемся подходить, поп включил ролик на полную громкость:

– "... Но вот посмотрите на снимок, который сделал американский исследовательский корабль "Вояджер" перед тем как покинуть пределы Солнечной системы. Вам этот образ ничего не напоминает?.."

– Значит, еще поживем? – спросил Холмов квартирную

хозяйку с надеждой.

– Может, еще поживешь, – ехидно ответила квартирная хозяйка и ткнула в меня пальцем. – Пусть во Дворец этот мордастый ходит. Сам не ходи. Нечисть там, говорят, совсем обнаглела, уже днем шастает.

– За воротами знаками свои начеркала, люди заметили, – веско заметил поп. – Значит до льда добралась. Дети пропадают.

– Метафизический патруль, – сказал Холмов, когда за хозяйкой закрылась дверь. Он снова начал входить в задумчивое и угрюмое состояние.

– "Спецназ защиты от темных сил", – вспомнил я. – Посмотрел на хозяйку – словно на себя со стороны посмотрел. А представь как оттуда, из клуба, все это внешнее бурление кажется бурлением безумных идиотов. Они уже давно в этом.

– На арене за воротами действительно есть какие-то знаки? – Холмов как будто не слышал меня

– Нет никаких знаков, нет никаких мистических загадок, – разозлился я. – В клубе работают нормальные ребята, на льду катаются обычные пацаны. Начну их тренировать, начну со всеми как свой общаться – решу вопрос с переходом Никиты... Хотя это может быть глупо. Нужно ведь, чтобы он больше играл, не так ли? Придут деньги за клубные тренировки – надо будет подыскать другое жилье и свалить

отсюда. Не хочешь – можешь оставаться.

– Если успеем, – кажется Холмов начал говорить отрывками. – Все стало ускоряться. Жук сработал.

– Что ускоряться? Что вокруг все стали добрые, нас предупреждают, уберечь хотят? Что на нас сваливаются деньги? Спать... да, сон стал паршивый. Какой-то дружелюбный и щедрый демон подвернулся! С которым надо расплачиваться плохим сном. Я готов на бессонницу.

– Действительно, демон. Который не любит оптику, – Холмов впился взглядом в мой синяк под глазом так, что мне стало не по себе. – Демон, который не любит бывших работников правоохранительных органов. И действующих, наверное тоже не любит.

– Таких демонов полстраны, если не вся страна.

Я ретировался к компьютеру и заново запустил ролик.

– "... Но вот посмотрите на снимок, который сделал американский исследовательский корабль "Вояджер" перед тем как покинуть пределы Солнечной системы. Вам этот образ ничего не напоминает? Помните несколько лет детская хоккейная команда, спасаясь от урагана, оказалась в таинственной пещере. Сравните теперь темные узоры на потолке пещеры, со снимками, которые были сделаны на темной стороне Солнечной системы..."

– Я идиот, – отрывочно сказал Холмов. – "Дело об укушенной собаке". До Вас? Тоже был "Жук в муравейнике". Придумал фоторобот. Счастливого мгновения. "Жук в му-

равейнике" обязательно с "Фотороботом счастья". Образ демона!

Холмов прикрепил на стену амулет и начал составлять образ демона. Он заставил меня вспомнить все что я видел, слышал, говорил, думал и чувствовал с того момента, как мы взялись за это дело, поклявшись, что после этой процедуры я буду спать как ребенок. Но больше меня убедило, что Холмов опять начал говорить отрывочно. Я рассказывал – даже про беспокойство на кладбище и фотографии юных демонов. По ходу рассказа Холмов прикреплял на стену вокруг амулета нечто, что должно символизировать мои слова, или рисовал нечто символическое на липких листочках и прикреплял их. Прикрепить на стену фотоаппарат и объектив я не дал, Холмову пришлось обвести их на бумаге и прилепить эти контуры.

Провозились мы до вечера, загадив полстены. Получилась какая-то ересь. Зато ночью я спал как ребенок, а поздним утром поехал в Ледовый Дворец. Пора уже было дружить, выпивать, а лучше опохмелять, общаться и решать вопрос по Никите. И я, вроде как, там в клубе работаю.

На арене шла тренировка, даже несколько тренировок. На трибунах сидели неизменные девчонки. Вокруг арены суетился Атташе с камерой. Этого можно в лоб спрашивать – от портретов на стене и хоккейной судьбы моего подопечного до вида спорта, которым занимался Европейец. Я пригляделся к бортиками за воротами. Там были видны какие-то

линии, даже узоры, но разглядеть не давала сетка ворот. Хорошо было бы выйти на лед, но я не был уверен, что с моей ногой смогу дойти до ворот. Пока я маневрировал по трибунам, меня заметил Атташе. Мне показалось, что он даже подпрыгнул от радости. Через мгновение он уже тащил меня на скамейку запасных, чтобы я кому-то показал как эффективнее наносить удары. Ни на один вопрос он успел ответить до конца, отвлекаясь свои на идеи, но с готовностью согласился прибухнуть после съемки.

Парни может и были одного возраста, но один успел вымахать и стать мужиком, а другой еще оставался мальчишкой. Но вдвоем они смогут отбуксировать меня до ворот и обратно. Даже в невсамделишной драке оба трусили и отгибались назад. Я показывал, исправлял стройки и скоро уже оказался у выхода на лед, но тут в меня с горящими глазами вцепился Атташе:

– Давай сам! Давай ты! Мы тебе маску наденем! Я форму тебе дам! Коньки я видел у Тренера под столом. Никуда не уходи.

Не успел я натянуть хоккейный свитер, как Атташе вернулся из тренерской с дорогими коньками. Единственное, что не смогли подобрать – это маску полевого игрока, но Атташе пришел в полное возбуждение и притащил маску и всю амуницию вратаря:

– Во вратарской форме возраст не видно! Вратарь-тафгай! Вратарь-грубиян! Ты можешь еще клюшкой на ребят зама-

хиваться?

Я покрутился возле бортика, проверяя равновесии и улавливая ощущения в ноге. Потом сделал медленный тренировочный круг по площадке. За воротами было начеркано, но это были следы от шайб. Я грозно тряс клюшкой и наращивал скорость, проверяя ногу. Мне не нравилось, что я до сих пор хромаю. Бегать я боялся, футбол и баскетбол были под запретом. Хорошо, если к пешим прогулкам добавятся коньки. Когда я на скорости вошел в вираж, неожиданно подвернулась нога, и я врезался бортик, на секунду, а может быть на минуту потеряв сознание. "До льда добралась" одновременно с созданием пришло на память.

Когда на пути из дворца я, опираясь на помощников, допрыгал до стены с фотографиями, то увидел, что в глазах у юных демонов стала проявляться дьявольская печать. Я притормозил своих носильщиков, начал фотографировать портреты и, разумеется, выронил телефон. Стекло треснуло. А как могло быть иначе?

– Даже на стену ничего не повесишь? – с обидой выдохнул я.

Я лежал, изогнувшись на диване, закинув ногу на спинку дивана и положив руку на приставленную табуретку, и жаловался про последние приключения.

Холмов кинулся к стене. Казалось, мой рассказ о злоключениях он пропустил мимо ушей, торопясь рассказать о сво-

ем прорыве. Под "прорывом" Холмов имел ввиду найденные им на восточных сайтах мемы, каналы, посвященные молодежной команде, и каналы с выжимками из последних.

Холмов воткнул шпажки в стену и натянул нитку, которая должны символизировать трещину на экране телефона.

Он распечатал фото стены с портретами, но после моих бурных протестов, заменил его рисунком. На рисунке стена с портретами была похожа на широко раскрытый рот с редкими кривыми зубами.

Следующими на стенку отправились кривые рисунки цилиндра и воздушного шарика, и карандаш. Так Холмов передавал интонацию моего рассказ: интонацию мальчика, который в книжном магазине вместо продавца напоролся на фокусника-маньяка, который на просьбу показать книжку, достает из твоего уха шарик, а из своего носа – карандаш. Если я правильно понял его отрывочные слова.

– Я нашел .. Это прорыв, – Холмов прикреплял к стене распечатанные восточные мемы и обложки видеороликов.

– Долго мне еще жучить... жуковать, – у меня испортилось настроение.

– Устали?

Я понял, что у меня не плохое настроение, а накотившая усталость.

– Знаешь, – сказал я. – Наверное, откажусь от тренировок всей команды. Нельзя в два горла жрать, когда рот один. Как широко рот не раскрывай, как зубы не прорежай.

Холмов посмотрел на меня и прикрепил к стене листочки с руками и ногами

– Ты не подсказывай! – меня подкинуло на диване. – Только одна рука и только одна нога. Пусть так и останется.

Я потащился в свою квартиру.

– Амулет в клуб верну. И ты, это, трещину со стены убери!

Мне повезло, что один их охранников на входе вызвался меня сопроводить до тренерской. Я шел и думал, что если они успели перевести деньги, то придется месяц тренировки проводить. И может быть мой отказ работать у них следует обставить поделикатнее – как приостановку контракта, или отпуск без содержания, или как-то еще.

В тренерской по проходу прохаживался Европейец. Атташе и тренер сидели по углам, опустив головы. Я приветственно помахал рыбке.

– Истина ли е, что Вы были на могилках? – не поздоровавшись, сказал Европейец. Он был смущен.

Я улыбнулся и кивнул.

– Вы знаете, як только Вы появили у нашем в клубу, нас зачали преследовать неуспехи. Дружина хоккейева губи един мач след другим, поставщик нови униформы збанкрутовал, наша банка лопнул, пылен факап с платежами, – Европейец еще больше смутился. – От Вас в клубу все уже страignentя като чума.

Атташе и Тренер продолжали сидеть, не поднимая голо-

вы.

– Мы перестаем сотрудничество с Вами, – Европейец говорил вежливо, но непреклонно. – Я прошу вратит бейдж.

Охранник рядом со мной грозно потоптался на месте.

Я стоял рядом со входом в Ледовый Дворец как обоссанный лев, царь зверей. И еще мне было жалко этих ребят из клуба, которые поддались всеобщему безумию на эту шаманистскую хрень. Рука нащупал в кармане амулет, который забыл отдать вместе с бейджем. Может быть вернуть его и еще раз объясниться?

– Подождите, – вслух сообразил я. – Я же только что заряжал команду и приносил удачу.

Тогда что случилось? Или кто случился?

И тут я увидел их. Монах и Шаман! Одетые в несколько курток они неуклюже ковыляли, как малые дети на прогулке. Мне стало очень досадно за Европейца. Вот эти надавили, а может быть запугали Европейца? Вот эти?! Европейец – вежливый, спокойный и мягкий парень, а в нашей жизни надо уметь отбиваться зубами и локтями. Почему он со мной не поговорил? Я бы мигом вопрос решил.

– Погодите, – снова вслух подумал я. Есть шанс перевернуть ситуацию и даже обратиться к моей, к нашей пользе.

Я набрал номера двух ребят с работы. Обещали отдать жизнь за меня в течение тридцати секунд, хорошо, пяти минут? Обещали. За язык кто-то тянул? Не тянул. Дело недол-

гое, быстро приехали, быстро трянули, быстро уехали, а дальше я сам. Двоих человек мне хватит. За мной не заржавеет.

Мы удачно, то есть одновременно, подошли к ним с трех сторон. Монах и шаман отступили на несколько шагов, так, чтобы мы находились перед ними. Низенький шаман оказался впереди. Монах стоял сзади, прижимая к груди сумку.

– Разговор есть, – сказал я. – Вы что здесь за беспредел учинили? Вы откуда такие отморозки?

Монах и Шаман моих слов не поняли или сделали вид, что не поняли. Я достал амулет и помахал им перед носом Шамана. Шаман болезненно сморщился и ударил по моей руке.

Бить по Шаману было все равно, что бить по рельсе, вбитой в мерзлую землю. Он держал согнутые руки, обратив кулаки к небу, и практически не уклонялся. Сам Шаман бил прямыми в голову. Пинал тоже прямым, и только когда мы начинали толпиться перед ним. Очень скоро мне и ребятам стало скучно, и мы решили пойти по своим делам.

На следующий день Холмов сошел с ума.

Он сидел на напротив стены с образом демона и наклонял голову то влево, то вправо. Время от времени он вскакивал, что-то бормотал, отбегал к компьютеру и пытался сделать стойку на руках. Это было справедливо – теперь его очередь

мучиться и страдать, а мое участие в этом деле завершено. Ни ногой в Ледовый Дворец! У меня выходные, у меня отпуск, у меня время думать о превратностях мира, смотреть сериалы и неспешно выпивать одному.

Еще на следующее утро психоз Холмова вступил в острую фазу. Он кидался на меня, тащил к образу демона, предлагал встать на руки или хотя бы наклонить голову. При этом Холм повторял "Ребус", "Шарада" и искренне удивлялся, что я не вижу разгадки. Ни отклонять голову от вертикали, ни разгадывать ребусы я был не в состоянии, а мальчишку от дурки надо было спасать. Я начал срывать со стены этот чертов коллаж. Холмов кинулся его защищать, и от зарубы нас спас звонок Несчастной Матери. Она снова увидела плакат со своим мальчиком. Он висел на Ледовом Дворце, и Несчастливая Мать шепеляво умоляла срочно туда приехать. Мне показалось, что она нетрезва.

Плакат на Дворце действительно висел. Это не был самодельный плакат на большом листке бумаги. Может быть я неправильно называю гигантское полотно, которое закрывало витражи над входными дверями. На нем среди других я увидел сына Несчастной Матери, та же фотография, что и на могильном камне. На плакате были непонятные слова из понятных букв и числа, которые, видимо, обозначали дату и время матча. Судя по ним и реву трибун из стадиона, игра уже давно шла. Билетная касса была закрыта, входные двери тоже.

Холмов потребовал у меня пуховик и шапку, которые я надел потому, что пуховик хорошо заходил легкий бронежилет. Холмов скинул с себя куртку и свой бронежилет, надел одежду с символикой и пошел к служебному входу, невероятным образом уменьшаясь в размерах. В служебный вход уже заходил не Холмов, а какой-то мальчишка из юношеской команды. Меня Холмов отправил к воротам в задней части Дворца.

Я ждал открытия ворот, как наверное, в Средневековье осаждающие крепость войска ночью у ворот ждали предателя. На мне было два бронежилета и холмовская куртка в руках. Если кто-то в этот момент увидел меня со стороны, то скоро появится новая волна слухов. Я ждал долго и меня начало изнутри колотить от холода о бронежилет. Хмель и похмелье ушли, и я начал размышлять, что мне делать, если Холмов начнет плутать в пространстве между мирами или его просто схватят.

По калитке в воротах пнули изнутри, из нее высунулся Холмов и замахал мне рукой. Мы убегали от ворот под звон сигнализации куда-то в темноту Дворца. Холмов показывал направление, и мы быстро выскочили на второй ярус трибун за воротами.

Это было самое жуткое зрелище в моей жизни. Судя по лицу Холмова он испытывал ужас тоже. Ледовая площадка была черна. Если в обычном матче она – самое освещенное место на арене, то сейчас были освещены только трибуны

за противоположными воротами. Остальные трибуны были еле подсвечены красными прожекторами. Со льда доносился скрип коньков, выкрики игроков и прочей шум игры, но она была пуста. Незримыми были и болельщики на трибунах, чьи крики спрессовали воздух на арене. Вдруг раздался рев, загудели паровые гудки, заиграла праздничная иллюминация и на табло поменялся счет, но игроки и болельщики по-прежнему оставались невидимыми.

Когда шум начал стихать, света стало еще меньше, и из левого прохода второго яруса там же на дальней стороне арены появился Атташе. Он поднялся на несколько рядов выше, прошел до мест, которые располагались точно над противоположными воротами и раскинул руки. Тут же из входа, через который он вошел, на арене один за одним стали появляться люди. Или мертвецы. Это не были долговременные, разложившиеся мертвецы типа зомби. Они были как погибшие вчера или сегодня в драке от ножа, или под колесами автомобиля, или сорвавшись со строительных лесов, или отравившись поддельным алкоголем. Они шли по проходу мимо атташе и выходили в дальний выход справа. Вслед за ними пошли дети. Потом солдаты. Потом девушки. Атташе присоединился к ним и выстроил девушек в два ряда по обеим сторонам прохода, который вел от дальнего выхода справа вниз к бортикам ледовой площадки. Девушки надели на себя что-то одинаковое и бесформенное. Я такое видел в кино: при проведении обряда культисты надевают на себя белые

балахоны. Девушки принимали различные позы, словно позировали для фотосъемки или предлагая себя.

А потом из выхода, у которого стояли девушки, появились они. Монах и Шаман. Шаман остался у выхода. Монах сделал несколько шагов вперед и медленно оглядел арену. Я был уверен, что он не заметил и не мог заметить нас. Но когда его взгляд пробежался по тому месту, где прятались мы с Холмовом, мое тело покрылось мурашками. Словно Монах просвечивал рентгеновскими лучами. Я схватил Холмова, упал на пол и начал материться. Рядом лежал и ругался Холмов. Очень скоро Холмов высвободился и приподнялся. Шаман продолжал стоять у входа. В его руках был фотоаппарат. Вокруг Монаха девушки то ли кружили хоровод, насколько его можно кружить на лестницах, то ли играли в ручеек. Монах в игру не вовлекался и упорно спускался к хоккейной коробке. Подойдя к коробке он попытался перелезть через ограждение, но тут на площадку выехал ледовый комбайн, водила которого выматерился и погрозил Монаху кулаком. Тройное заклятие от меня, Холмова и водителя подействовало. Монах и Шамана ушли, сопровождаемые девушками и Атташе. Выключили свет, и на арене стало темно.

– Ведь действительно у сатанистов лед должен быть важным... священным.. Или как-там у них, – сказал я, на ощупь пробираясь к выходу.

– Да, по Данте в аду от огня идет холод, – отозвался Холмов, как будто читал эту книжку.

– Что теперь?.. Где ты? Держи бронезиленет.

– Надо как можно скорее попасть в тренерскую.

В тренерской Холмов прошел в правый кабинет, дверь в который всегда была закрыта. Порылся в одиноком письменном столе, включил компьютер. Потом прошел в кабинет Европейца и также порылся в столе. Он скинул на диван свой бронезиленет, и сказал мне не выпускать Европейца до его, Холмова, прихода. Он, Холмов, будет в кабинете напротив, но придет только тогда когда будет готов. Если кто-то другой придет раньше Европейца, также не выпускать. Уговоры, угрозы, сила, коллеги с бывшей работы – все что угодно, но не выпускать. Холмов перенес аквариум с рыбкой со стола Тренера на стол Европейца и закрыл за собой дверь.

Холмов сделал демона, а я сделаю бойца. На кресло перед столом я надел бронезиленет Холмова, сверху – пуховик, на подголовник – фирменную шапочку. Если снова будут лупить по голове, то достанется ему, а не мне. Угловой диван я сдвинул к противоположной стене, где дверь. Теперь открытую дверь я могу захлопнуть ударом ноги.

Окна кабинета, как и окна тренерской выходили на арену. Кроме лампочек с надписью выход не горело ничего. На арене было темно, как не бывает темно самой темной ночью.

Началось томительное ожидание. Если ночь становилось мучительной, если не было сна, то сейчас мучительным стало бодрствование. Залипать в телефоне, когда у телефона

треснул экран, мне совсем не хотелось.

Было очень тихо. Я даже не слышал Холмова в соседнем офисе. Почему в таком гигантском сооружении так тихо среди дня. Или уже ночь? Или следующий день? Сколько вообще прошло времени? Когда в темном окне появлялись жуткие рожи, я просыпался, подходил к окну и вглядывался в темноту.

Неожиданно я услышал то, что так долго ждал – шаги в коридоре! Тут же в кабинете открылась дверь и появился Холмов, заставив меня вздрогнуть:

– Что так долго?

– Я еще поиграл немножко.

Холмов снова залез в ящик стола, положил на стол какие-то бумаги, печать и пачку денег.

Кто-то вошел в тренерскую. Холмов заскочил в кресло за столом и положил ноги на стол. Было видно, что ноги неудобно лежат на столе, сиденье кресла надо бы поднять.

Вошел Европейец. Увидев Холмова на своем кресле, поддельного бойца через стол от него, он потянулся к выключателю, но заметил позади себя мой бронезелет, а потом и меня в нем. Я рукой пригласил Европейца к столу.

Может быть из-за темноты за окном или давящей тишины за окном, но дальнейшие разговоры проходили практически без слов.

Холмов протянул Европейцу клочок бумаги. Европейец посмотрел и кивнул головой. Холмов протянул листки бу-

маги. Европейец бросил на них взгляд, кивнул и положил на стол.

– Посмотрите на дату и время на квиточке, – тихо сказал Холмов. Ему все-таки следовало поднять сиденье кресла.

– Всеш зачали, – Европейец поднял брови.

Тогда Холмов снова протянул Европейцу скрепленные листки.

– Уж неможу, честно, – простодушно сказал Европейец, не повышая голоса. – Уж иный генеральный менеджер. Он отошел в туалет, зараз дойде. Он подпише. Я не перечу.

Кто-то вошел в тренерскую. Европейец достал из внутреннего кармана файл с документами. Неожиданно в кабинет вошла Аристократы. Сегодня на ее шее было жемчужное ожерелье. Увидев ноги Холмова на столе, поддельного бойца из стула, Европейца, меня в бронежилете, она отошла за диван к темной стене. Руку она держала в расстегнутой сумочке.

– "Пистолет?" – губами я спросил ее, лицом указывая на сумочку.

– "Деньги" – губами ответила она.

– А парафировать? Вы и он? – Холмов передал файл с документами Европейцу, чтобы он в свою очередь передал его Аристократы. – Или подписать задним числом? Два идентичных договора с разными датами и подписантами?

Европейец раскланялся с Аристократы, передал файл и вернулся к столу. Европейец напряженно думал, барабаня

пальцами по столу.

Когда в кабинет вошел неуверенный человек, Европейец ему обрадовался, достал из кармана банкноты и положил на стол. Когда неуверенный человек потянулся за деньгами, Холмов переставил на банкноты каблук и протянул неуверенному человеку листки бумаги и ручку. Неуверенный человек посмотрел на Европейца, тот кивнул.

– Паспорт, – потребовал Холмов.

В кабинет зашагнул еще один человек. Это был Тренер, который как и все стал тихим и безгласым. Удивительно что в кабинете, в котором было столько народу, сохранялась такая тишина.

Когда неуверенный человек передал паспорт Холмову, тот заерзал на кресле. Мне показалось, что Холмов хотел идти копировать паспорт, но понял что, снимая ноги со стола, может просто рухнуть. К столу неслышно проскользнула Аристократы, забрала паспорт и также быстро и бесшумно выскользнула из кабинета. Неуверенный человек подписал бумаги и начал озираться. Действительно, в комнате уже не было Европейца. Испарился, демон. Неуверенный человек показал подписанные бумаги Тренеру. Тот глянул и сразу утвердительно кивнул. Неуверенный человек отдал бумаги Холмову, засунул в карман деньги, выхватил из рук вернувшейся Аристократы паспорт, буркнул, что ему надо в туалет и бочком выбрался из кабинета.

Холмов упал со с кресла, поднялся и показал Тренеру на

первую пачку денег. Тот отрицательно покачал головой:

– Я за рыбкой.

Тренер набрал в грудь воздуха и вопросительно посмотрел на Холмова. Тот утвердительно кивнул головой.

– Я вас подвезу, – Аристократы сверяла документы и, казалось, ни на кого не обращала внимание. Она убрала бумаги в сумочку и хлопнула по плечу бойца, сделанного мною из бронежилета и пуховика. – Ты с нами, приятель?

Аристократы привезла нас не в какой-то изысканный ресторан или кофейню, а в паб.

Встретившая нас девушка-администратор тревожно посмотрела на эмблему команды на одежде. Ее не смутили наши бронежилеты. Ее не смутил аквариум с рыбкой, который Тренер упорно разместил на краю стола и на который прикрепил салфетку с надписью "Несобака". Девушка-администратор смотрела на лого и, казалось, на что-то решалась. Надеюсь, не на то, чтобы выставить нас за порог.

– Вам лучше послушать, дорогая. Коллеги справятся без Вас, – сказала ей Аристократы и указал на скамейку рядом с собой. Девушка-администратор безропотно села.

В пабе был теплый свет, приятный гул и ощущение полной безопасности. После первой кружки пива меня разморило, и я уснул. Хорошо, что я успел на всякий случай включить незаметно запись на телефоне.

– Ну, теперь можно поговорить и прояснить неясности –

сказал Холмов. – С чего начать?

– Что это за проклятье священной пещеры?! – в один голос сказали Аристократы и девушка-администратор.

– Э, нет, – был слышно, что Холмов коварно улыбается. – Лучше я начну с самого начала. Эта история началась несколько лет назад, когда юношеская хоккейная команда спаслась от снежного шторма в пещере. Эта история облетела весь свет и стала невероятно популярна в Интернете. Даже до сих пор появляются мемы с ними, и компиляции из тех первых видео, которые делал нам хорошо знакомый Атташе. Его талант – я про Атташе – вот причина неувядающей популярности. Популярность, всемирная известность – вот сокровище, которое было обретено в той пещере.

Тогда же азиатские букмекеры впервые начали принимать ставки на эту команду. "Выживут-не выживут", "Сколько выживет", "На какой день найдут" и так далее.

Немного теории. Если бы вы читали читали мою работу на pber.org "О подходах к методике определения стоимости известности в социальных сетях", то познакомились бы с моей теорией свай или песчинки-катализатора жемчужины... которая позволяет определить не только текущую стоимость популярности в социальных сетях, но и стоимость в будущем, причем модель учитывала не только количественные изменения в подписчиках, просмотрах и тд, но и влияние матрицы качественных изменений... но впрочем не важно, больше не буду. Скажу проще, самый простой и банальный каче-

ственный параметр, позволяющий оценить популярность – это появление рефлексирующих материалов... Проще говоря, если появляются каналы с краткими выжимками материалов вашего канала или мемы на ваши ролики, или пародии, то ваш канал, ваши истории невероятно популярны. И эта молодежная команда, ее история, были и остались невероятно популярны, в основном, в Юго-Восточной Азии. Может быть потому, что эта история чрезвычайно экзотична для них – снег, буран, странный вид спорта. Поэтому рано или поздно на эту команду должна была обратить внимание какая-то светлая голова, которая занимается договорными или манипулятивными матчами. Только представьте, известная всем команда, объем ставок на которую может быть сопоставим со ставками на Манчестер Юнайтед или Нью-Йорк Рейнджерс, но которую можно купить или купить участие в управление ею, как если бы это была футбольная команда третьего эшелона небольшой европейской лиги... Сингапурский или Балийский синдикат?

– Кажется, Балийский, – ответил Тренер. – Я не в доле.

– Я прав? – спросил Холмов. – На сцене появляется подпольный азиатский синдикат, который делает гигантские ставки, манипулирует результатами матчей и разоряет букмекеров.

– Да.

– Неужели у Синдиката есть такие деньги, чтобы купить долю в хоккейной команде? – вмешалась Аристократы.

– Половина команд английской Премьер-лиги принадлежит азиатским букмекерам. Можно представить, какие у них доходы. Если нелегальные синдикаты отщипывают у них процентов двадцать, то можно не то что долю, можно лигу целиком купить, – сказал Тренер. – Только в одном они просчитались. Невозможно пацану, который бредит НХЛ, который бредит Олимпиадой, сказать : "Слей матч". Невозможно! Невозможно! Синдикат пытался работать по старой футбольной схеме. Привезли каких-то чудиков, которые на коньках не стояли и которые закончились в первом же периоде. Плюс магия хоккея. Я им сразу сказал, что обеспечить результат конкретного матча могу процентов на шестьдесят. Могу довольно точно предсказать результат матча, могу как-то повлиять на место в турнирной таблице. Но в конкретном матче... Я им объясняю: Можно убить команду тренировками, можно заставить лидера полировать скамейку, можно играть через день или каждый день, но пацаны могут завестись и вынести противника.

– Как вышли на Вас?

– Искали ударившегося о дно, козлы. После того, как от них ушел Михалыч, бывший главный тренер, и естественно, поползли слухи.

– Козлы-то они, конечно, козлы, но каков заход! – сказал Холмов. – Их интересует юношеская команда, но партнерятся они со взрослым клубом! Я так понял, что у клуба непростые времена. Ледовый Дворец обветшал, судя по

затхлому воздуху, отключению освещения и отсутствию персонала, экономят на всем. Поэтому когда появились непонятные инвесторы, которые готовы были не лезть в дела клуба, их приняли за идиотов, и дали полную свободу в отношении юношеской команды. Синдикат продал права на символику юношеской команды?

– Говорили, что сразу отбили вложенные и заработали столько же, – сказал Тренер.

– Вот. А идея виртуальной лиги с виртуальными командами и игроками? Гениально!

– Это им с Атташе повезло! Это его идея! Это он монтировал хайлайты, разработал символику команд! На тренировочных играх пацанов одевал пацанов в форму разных команд, снимал. За масками все равно лиц не видно. Сайты командам сделал, соцсети.

– И здесь мы приходим к решению загадки пропавших хоккеистов, – сказал Холмов. – Их не было! Мой проницательный друг Дохтуров сразу же обратил внимание, что фотографии группы хоккеистов чем-то выделяются. Чем? Их глаза располагались в центре и они смотрели прямо на вас. Эти лица были сгенерированы нейросетью, причем не самой последней моделью, где эта особенность уже была устранена. Надо отдать должное исключительной прозорливости моего уснувшего друга, который даже заметил отметину в их глазах. Это полупрозрачный вертикальный микротекст на границе левого зрачка и радужки – водяной знак сайта, на ко-

тором генерировались лица. То, что несуществующие игроки вначале как бы играли в существующей команде, как бы вдохнуло в них жизнь, делало более реальными. Их можно было выдавать за лидеров виртуальных команд. Остальные игроки призрачных команд могли остаться только придуманными именами, а у этих даже были свои страницы в социальных сетях. Правда, эти страницы – страницы типичного среднестатистического бота, что не останавливало местных девиц на них подписываться, писать личные сообщения. Может быть даже влюбляться и писать краской обращения на стенах Ледового Дворца. Если посмотреть социальные сети, то слухи о пропавших хоккеистах и проклятом месте, разгоняли именно девушки подростки.

– Конечно, если ее, такую замечательную, игнорируют, то место точно проклято, – слышался голос девушки-администратора

– Атташе был в доле? – спросил Холмов

– По ставкам придуманной лиги, – сказал Тренер. – Но он зачем-то участвовал в ставках по реальным играм.

– Кто догадался до афиш с абракадаброй? Прислали из Азии в качестве образца, а Атташе догадался оставить? Или он специально так делал, чтобы затруднить поиск в интернете по картинке?

– Не знаю.

– Еще одна гениальная идея! Действительно, зачем на афишах матчей, которые не состоятся, писать правильные

фразы. Основные потребители этой информации, этих картинок находятся в Юго-Восточной Азии, для них любая абракадабра из букв чужого алфавита будет текстом на незнакомом языке. Можно спокойно вывешивать плакаты и транспаранты, без риска, что кто-то припрется на матч.

– Вы увидели странные афиши матчей и догадались? Или увидели ставки? – азартно спросила Аристократы.

– Я догадался, когда сделал коллаж демона. Есть такой хороший прием, чтобы собрать вместе все что известно по делу – существенное и несущественное. Показать?

На записи в этом месте долгая пауза, а потом слышен удивлен голос Холмова:

–Вы тоже не видите? И Вы? Ну, здравствуй, моя шизофрения.. .И, конечно, неоценимым было участие моего спящего друга, который выполнял роль жука в муравейнике. Было критично узнать, как непонятная, а потому невидимая система отреагирует на его вмешательство. Ему, конечно, досталось. Я должен быть догадаться раньше... Послушайте, а наша камера – это Ваших рук дело?.

– Камера – это дело рук отскока... Можно попросить принести что-нибудь покрепче? – медленно сказал Тренер. – Спасибо. Но за что мне гореть в аду – за травму Никиты. Не травма, падение. Это я изменил заточку его коньков. Как раз пришли новые коньки на всю команду. Когда он врезался в борт на вираже и не встал – мне еще никогда не было так плохо. Ему помогли добраться до раздевалки, я сам снял с

него эти чертовы коньки. Чудо, что обошлось. В третьем периоде он уже вышел на лед. Коньки я утащил в тренерскую, поклявшись самому себе, что немедленно переточу как надо. Но разумеется не переточил. Так они и лежали под столом, где их заметил Атташе и надел на вашего многострадального друга, ни о чем не подозревая.

– Будем считать квиты, – сказала Аристократы. – Молодым людям надо пояснить, что несколько лет назад Сергей Павлович, папа Никиты, предложил хоккейной академии сто тысяч, чтобы Никита играл в команде, либо чтобы с должности тренера был уволен человек сидящий с нами за одним столом. Предложение не было принято, а через неделю мы получили ссылку на видео. В этом ролике был разделен надвое экран в одном из которых Никита выполнял упражнение или тест, а на втором тот же тест в исполнении кого-то из великих в возрасте Никиты. Там же были координаты тренеров и их расценки. Причем расценки на двоих, взрослого и ребенка. Так Сергей Павлович начал тренироваться вместе с Никитой. Показатели были расписаны на пять лет, а еще даны контакты зарубежных академий. Более остроумного и аристократичного ответа я еще не встречала... Теперь мои вопросы. Они до этого не успели продать контракт Никиты?

– Нет, – сказал Тренер. – Они искали, но не нашли схему продажи игроков. Их смущало, что слишком много глаз за молодежью – скауты, агенты, тренеры и, конечно, родители. Контракт игрока – это долгая история, а они заходили на ко-

роткий срок. Нет, не продали.

– Хорошо. Пьянки и гулянки – это Вы организовывали, чтобы они не выигрывали? – осторожно спросила Аристократы.

– Организовывать ничего не надо. Достаточно ослабить контроль. Да и самый строгий контроль не спасет. Пьянки и гулянки – неизбежный путь превращения мальчика в профессионального хоккеиста, – ответил Тренер

– Единственное, что я до конца не понимаю, зачем был сегодняшний призрачный матч? – сказал Холмов. – И эти мертвяки – что это было?

– Мертвяки. Мертвяки были. Пива приняли – и ожили. Мы пиво им по выходу давали – чтобы в зале не расслаживались. Атташе их на уличной бирже забрал, знаешь, собираются на поденную работу. Они единственные, кому мы заплатили. Школьников привезли на экскурсию, курсантов – там на личных отношениях. Девчонок пригласили сниматься в новой форме, которую им же подарили... Вы, наверное, не обратили внимание, на последней игре и сегодня присутствовали два смуглых человека азиатской наружности. Это скауты, которых прислала букмекерская компания или компании. Можно представить какого объема были ставки Синдиката – десятки миллионов долларов, может быть сотни. Этих скаутов, вообще, не должно было быть в городе. У них были билеты в другой город, на другой матч, уж не знаю, настоящий или виртуальный. В другом городе их должны были

притормозить, чтобы они на сегодняшний виртуальный матч опоздали. Как я понял, Синдикат начал ставить со вчерашнего вечера. Слишком большой объем, или боялись, что ставки прекратят принимать перед самым матчем. Утром выясняется, что скауты никуда не уехали. Вмешался случай. Как я понял, их вчера попытались местные грабануть. Они отбились.

– Суда по повадкам одного из них, как описал их Дохтуров, он – профессиональный боец муай тай, – сказал Холмов

– Очень может быть, – согласился Тренер. – В Азии сейчас появились сильные промоушены по единоборствам. Плюс не счесть полулегальных турниров. Видимо, ездил по ним, результаты контролировал. Может в офисе сидел, коэффициенты выставлял. Что такому бойцу, хоть и в отставке, три районных гопника? Разметал их, конечно. Но и скауты огребли тоже... Знаете, за сколько Атташе организовал призрачный матч – за два часа! Как только узнали, что скауты никуда не уехал. Все организовал – охрану, свет, массовку, звуки матча при полных трибунах. Говорил, что самое трудное было достать кеги со свежим пивом. Такой живой... Мда... Знаете как он хотел проводить стримы с экспертами по несуществующей лиге лиге? Они должны были комментировать матч видеоигры! Ну так вот. Билетов в кассах не было. Скауты поперли напролом. Их тормознули у рамки, охрана отвела их в бар на втором ярусе, так, чтоб они слышали шум с арены. Их проверяли пищалкой, задавали глупые

вопросы и, вообще, мариновали, пока не "кончился матч" и публика начала выходить. Но эти скауты монстры, конечно. Вы видели, как один из них попер к площадке? Мимо Атгаше, мимо девчонок. Я даже испугался. Он зачем-то хотел перелезть на площадку. Проверить, изрезало лед после матча или нет? Видимо, букмекеры им поставили задачу не только подтвердить статистику матча, но найти повод аннулировать котировки. Ладно, я догадался выгнать на лед комбайн.

– Почему Синдикат так резко свернулся и пошел на большой хапок?

– Я говорил, они не планировали входить надолго. Плюс ваше появление. Но вам они хотели денег дать, и вроде получилось. Но европейского "представника собственника" очень напугали расспросы вашего товарища о том, каким видом спорта он занимался. Европейец, как вы его называете, пожизненно забанен УЕФА за участие в договорных матчах. О его связях с Балийским Синдикатом в футбольных кругах знают все. А здесь он человек неизвестный. Пока. Но вообще, они большие козлы. Могли бы спокойно несколько лет работать, снимая денег с букмекеров время от времени... – сказал тренер. – Теперь ваша очередь честно отвечать. Как добились соглашения по Никите? Надавили? Чем? Разоблачением? Как эта история и ваше участие в ней скажется на мне?

– Подделал квитанцию от местного букмекера – как буд-

то они стали принимать ставки. Это означало, что синдикат и Европеец, как его "представник", нарушили законы здесь плюс обрели серьезных врагов. Ему проще было подписать соглашение, чтобы не помешали свалить из страны. Вот, собственно и вся история, – сказал Холмов.

– Подождите, а остальная мистика?! – воскликнула девушка-администратор.

– Что касается банкротства поставщика новой формы, зависших в лопнувшем банке платежей – думаю, не было ни поставщика, ни платежей, ни лопнувшего банка... Погибшая команда. Да, разбилась хоккейная команда, да, с ней летело двое из молодежи, которых привлекали к играм за основную команду. Но это совсем другие ребята, которые к застрявшей в пещере команде никогда не имели никакого отношения. Они даже по возрасту не подходят. Если внимательно посмотреть списки игроков, в сегодняшней команде нет и половины тех, кто побывал в пещере. Отсутствующие или перешли в другие команды, или бросили хоккей и взялись за ум.

– Нет, я про рак, – перебила девушка администратор.

– Что касается рака. Я не знаю. Так бывает, – сказал Холмов.

– Атташе и зимой и летом ходил в своей шляпе, – сказал Тренер. – Вот и получил хворь

– Если вас так беспокоят темные силы и мистические, вот моя визитка, – сказал Холмов, видимо, девушке-адми-

нистратору. – Еще каждую пятницу я штурмую синий замок в ... Там вы меня всегда легко найдете.